

Елизавета Дворецкая

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

КОЩЕЕВА ГОРА

Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*

Иллюстрация на переплете *Анастасии Майской*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Княгиня Ольга. Кошечья гора / Елизавета Дворецкая. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-228126-6

963 год. Вместе с князем Святославом в Киев возвращается беда: на Волхове убит Улеб, его сводный брат, а северные земли признают князем младенца — сына Святослава и Малуши. Весть об этом раскалывает род надвое: против Святослава поднимаются мать, жена и мстительные родичи Улеба.

Двоюродные братья Святослава, Торлейв и Бер, встречаются в Смоленске — и неожиданно нападают на след убийц. Это заводит их в лесную глушь, к загадочной и опасной Кошечьей горе, городу-призраку...

И тогда на пути мстителей встает тайна Святослава. Им придется решить, что для них важнее — месть за Улеба или благополучие Руси.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-228126-6

© Дворецкая Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Часть первая

Глава 1

*Земля русская, Киев,
13-е лето Святославо¹*

— Он в «печали»! Мистиша, ты видишь? — Соколина схватила старшего брата за локоть. — Лют в «печали»! А я-то гляжу — что не так?

Мстислав Свенельдич слегка переменялся в лице, его заострившийся взгляд скользнул по белой рубахе Люта, их с Соколиной сводного брата. Тот махал им рукой, соскочив с лодьи у длинного причала на Почайне, главной киевской гавани. При виде родни Лют широко улыбался, но Соколина была права: его рубаха была вывернута швами наружу, как носят в знак скорби после чьей-то смерти, если еще не успели приготовить особую «горевую сряду».

В Киев возвращалась дружина князя Святослава — можно сказать, целое войско. В это лето он собирался на вятичей, но еще зимой пришла весть, заставившая все переменить: в Хольмгарде на Волхове, родовом владении Святослава, убили Вестима, его посадника, собиравшего дань со словен и чуди. Плохую новость в Киев привезла Соколина — Вестимова вдова. Убийцей был Сигват сын Ветрлиди, считавший, что если Святослав не желает править в Хольмгарде сам, то должен уступить это право родичам по отцовской ветви. Это было не просто убийство:

¹ 963 год. (Здесь и далее примечания автора.) В конце книги есть Пояснительный словарь и список переходящих персонажей (родственные связи).

Сигват, двоюродный дядя Святослава по отцу, посягнул на его власть над Северной Русью, а тем самым и на единство ее с Южной Русью, киевской. За это единство уже было заплачено слишком дорого, да и стоило оно немало, и минувшей зимой Святослав и Эльга, его мать и сопрательница, не разошлись во мнениях: Сигвата нужно покарать, и как можно быстрее.

Когда князь собрал войско для похода на север, от Свенльдичей его сопровождал Лют. Мистина, глава рода, не мог покинуть Киев; уже более двадцати пяти лет он заменял здесь князя, уходящего в поход, сперва Ингвара, а теперь его сына, служа княгине Эльге опорой и вооруженной рукой. Соколина рвалась сама отправиться мстить за мужа, но братья уговорили ее не позорить мужчин семьи и уступить Люту месть за зятя.

В сорок семь лет Мистина хорошо видел вдаль: Люта он узнал, еще пока лодьи были на воде, и вздохнул с облегчением: брат жив-здоров. Но почему на нем «печальная» вывернутая рубаха? Война с Сигватом вышла трудной и погиб кто-то из родичей? Кто? Мистина мысленно перебирал родню, ушедшую в этот поход; войско пришло на сотне лодий, он не мог сразу найти в этой толчее Асмунда или его старшего сына Вальгу, убедиться, что они живы. Оставалось ждать.

Пять дней назад в Киев прибыл гонец — как всегда, предупредить о скором возвращении войска. Святослав отправил его еще из Смоленска, где войско сделало остановку для отдыха, но дальнейший его путь по Днепру не представлял трудности и не требовал много времени: вниз по течению, особенно при попутном ветре, его покрывали дней за десять, а то и семь. Гонец передал княгине Эльге, что «есть важные вести», но открывать их суть отказался: князь запретил. Вот уже пять дней киевская верхушка жила в нарастающем беспокойстве. Если Святослав одержал победу и восстановил свою власть над Северной Русью, почему тогда не передал, что «есть добрые вести»?

К Почайне берег спускался уступами, и с верхнего было хорошо видно причалы. Здесь и стояли встречающие, чтобы не мешать высадке. Сквозь суету и толкотню Лют пробрался к родным, на ходу приветственно подмигнул Соколине, обнял старшего брата и шепнул ему на ухо:

— Вести хуже некуда.

Отстранившись, Мистина вопросительно взглянул ему в глаза. Но Лют снова подмигнул, только уже с другим выражением, и добавил:

— Просто жуть. Дома расскажу.

— Будь цел! — К Люту подошла с объятиями Соколи-на. — Ну, что? Прищучили этого стервеца?

— Сигват убит, — сразу доложил ей Лют. — Правда, не нами. Еще до нас его прикончил Велебран из Люботеша, помнишь его? Гусяр. У них был поединок аж в Перыни. Так что с мятежом покончено. Поедем быстрее домой, все расскажу.

Казалось бы, он уже все рассказал. Но по лицу Люта Мистина видел: тот еще и не начинал. И гибель Вестима, и месть Сигвату уже стали былиной ушедшего времени, заслоненные чем-то куда более важным.

— Князь-то цел?

— Он-то цел, — ответил Лют с выражением, подтверждавшим тревожные ожидания.

— Пойду с ним поздороваюсь.

— Осторожнее! — вырвалось у Люта, он даже предостерегающе тронул брата за локоть, словно Святослав был дикий зверь, способный укусить. Но, когда Мистина в удивлении к нему обернулся, махнул рукой: ступай.

На длинном причале была такая толкотня, что бережатым воеводы пришлось прокладывать ему путь. Святослав стоял у конца вымола, глядя, как высаживаются его люди. На нем рубаха тоже была вывернута швами наружу, и от этого знака скорби, которую несет сам князь, пробирало холодком.

«Сванхейд?» — подумалось Мистине. Госпожа Сванхейд, князева бабка по отцу, умерла? Но эта новость была

бы хоть и печальной, но вполне ожидаемой: королеве Хольмгарда шел восьмой десяток. Может, она не сама умерла, а убита в ходе мятежа? И как же тогда Святослав за такое отомстил? Боги, да осталось ли что-нибудь целым на земле словенской?

Не заметить приближения Мистины — рослого, мощного сложения, в красном кафтане и в окружении шестерых бережатых — было невозможно. Святослав обернулся к нему с явной неохотой, держа руки скрещенными на груди. Это Мистину не задело: дружбы между ними не водилось никогда, приветливым человеком Святослава тоже никто не назвал бы. А тем более сейчас, когда у него есть причина для скорби — какова бы она ни была.

А вот что бережатые самого Святослава при виде Мистины разом шагнули вперед, преграждая ему путь, — это было что-то новое. Одновременно Мистина заметил и еще одну «новость». Ближайшее окружение Святослава — во всех смыслах этого сочетания — с отрочества составляла «Игморова братия» под водительством самого Игмора. Сейчас же он увидел только сыновей Ивора Тишины: Хавлота, Белчу и Бьярмода. Сыновей и зятьев Гримкеля Секиры Мистина поблизости не приметил, и это было странно. Почти так же странно, как если бы куда-то исчезли Святославовы руки.

Уж не полегла ли Игморова братия в сражении с людьми Сигвата? Это объяснило бы «печаль» Святослава, но эти новости Лют не назвал бы ужасными: Игморову братию сыновья Свенельда не любили.

И вот теперь Хавлот, его братья, еще трое-четверо гридей смотрят на Мистину так, будто ждут нападения, даже взялись за рукояти мечей. Мистина в изумлении двинул брови вверх; они что, его не узнали? При нем и меча-то нет, только скрамасакс на поясе. Святослав сделал знак, дескать, пропустите, и гриди отступили, но не сводили с воеводы тревожных, настороженных глаз.

— Будь жив, княже. — Мистина с достоинством поклонился, не доходя трех шагов.

Они хоть и состояли в родстве — жена Мистины, Ута, была двоюродной теткой Святослава, — объятий избегали.

— И ты, — коротко ответил Святослав.

Мистина снова слегка переменялся в лице. Перед походом на север между ними никаких раздоров не случилось. Что же у князя за беда, если он так неприкрыто груб с ближайшим соратником своей матери?

— Как матушка? Здорова? — отрывисто спросил Святослав. — Что в Киеве?

— Княгиня Эльга благополучна, твоя жена и дети тоже, в городе и в земле Полянской все мирно. А как у вас?

— У нас.. — Святослав с непонятым выражением смерил Мистину взглядом с головы до ног. — После. Завтра буду у матушки, там все объявлю.

И отвернулся. Уже не скрывая своего изумления, Мистина отошел от него, развернулся и широким шагом направился к своим. Чем быстрее они попадут домой, тем быстрее он узнает, что все это значит.

Святослав ни разу не взглянул ему в глаза. Осознав это, Мистина ощутил холодок в груди. Все виденное и слышанное во время встречи у Почайны складывалось в предчувствие большой беды, такой весомой, что даже солнечный свет померк.

* * *

— Я смотрел ему в глаза, когда он узнал. Для него это была новость. Я не такой умный и зоркий, как ты, но я уверен: он не знал. Он их не посылал.

Мистина слушал, а две волны, раскаленная и ледяная, сшибались в его душе, давили друг друга. Одна норовила вознести дух на вершину ярости и бросить в бой, другая — притиснуть ко дну боли и раздавить. Боль потери и боль бессилия — как ты ни будь могуч, а смерти не исправить.

Улеб.. Мальчик, которого Мистина двадцать шесть лет назад взял на руки и назвал своим сыном. И никог-

да не отрекался от звания его отца, хотя с самого начала знал, что жизнь Улебу дал другой. Он растил его, не давая даже заподозрить истину. Улеб был дорог Мистине как сын его побратима Ингвара, но он заслуживал любви и сам по себе, взяв лучшее от обоих родителей. Он был добр, скромен и стоек — как мать, Ута, отважен и прям, как его настоящий отец. Он был великодушен, как никто из мужчин семьи, и всегда думал о правах и благе других, охотно жертвуя ради этого своими правами и выгодами.

И вот его убили. Убили за самую первую, врожденную его вину, в которой он меньше всего был виноват, — за то, что он тоже был сыном Ингвара. Был.

Лют рассказывал, как обнаружили тела — Улеба и двоих его телохранителей — на берегу Волхова, как в Хольмгарде сразу сочли виновным Святослава, как сам Лют поехал к нему в усадьбу разбираться, как Святослав пришел в изумление от этого известия. Как искали Игмора и шестерых гридей, пропавших одновременно с ним, искали во всех направлениях, но горячих следов не нашли. Как Святослав над могилой Улеба поклялся на своем мече, что не посылал к нему убийц, и Сванхейд, бабка его и Улеба, подтвердила, что верит клятве.

Но точно так же всем было ясно, что именно Святослав и есть истинный виновник этой смерти. Одолев Сигвата, старая королева Сванхейд решила все же дать Северной Руси князя из числа потомков Ингвара, то есть другого его сына — Улеба. Но Святослав этому решительно воспротивился: он с детства рос с мыслью, что ему одному будут принадлежать и Южная Русь, и Северная. Ради объединения этих владений в одних руках его отец сперва женился на матери, Эльге, а потом сверг с киевского стола ее родича — Олега Предславича. В глазах Святослава новый раздел означал бы утрату не только земель, но и чести. А жители Гардов, русы и словене, готовы были признать над собой власть Улеба: им хотелось иметь князя, который сидел бы в Хольмгарде, а не

в Киеве. Самым лучшим для Святослава было бы исчезновение Улеба, пока дело не дошло до открытого столкновения. И его ближники с Игмором во главе избавили своего князя от заботы, не дожидаясь приказов.

Зная их всех с детства, Мистина хорошо понимал, как это вышло. Святослав не приказывал убить сводного брата, но в душе хотел от него избавиться, и для Игморовой братии этого оказалось достаточно.

Со всей Свенельдовой гридницы на Мистину смотрели ошарашенные лица родичей и домочадцев. Соколина, никак не ожидавшая, что княжеский поход ради мести за ее мужа приведет к еще худшей беде — убийству внутри рода. Торлейв, сын Хельги, племянник Эльги, приехавший с пристани вместе с Мистиной, чтобы от Люта поскорее узнать новости. Величана, жена Люта, которую страшное известие отвлекло даже от радости по поводу возвращения мужа. Двое младших сыновей — Велерад и Свен. Две старшие дочери, Святана и Держана, и их мужья. Из шестерых детей, которых Мистина с Утой вырастили, в последние годы четверо жили при отце в Киеве, Улеб — с матерью в Выбутах на реке Великой, а Витляна, самая младшая дочь, уже год была замужем далеко на западе, в Угорской земле. И вот здесь их четверо, а Ута теперь совсем одна.

— А что Правена? — спросила Величана. — Вы ее привезли?

Всего год назад Мистина сам сосватал для Улеба Правену, дочь Хрольва Стрелка. Это была очень хорошая девушка, и он выбрал ее, веря, что из нее получится достойная жена для Улеба. Никак не думал, что всего на год...

— Она осталась в Хольмгарде. Ее все уговаривали в Киев вернуться, но она сказала... — Лют обвел глазами вытянутые лица родичей, — что будет мстить.

— Сама? — ахнула Святана.

— Нет. Она поедет с Бером и Алданом. Им нужен кто-то, кто знает Игморову братию в лицо.

Черты Мистины немного смягчились — он получил первую добрую весть, сопровождавшую весть злую.

— Алдан тоже там?

— Вальга сразу поехал к ним в Выбуты сообщить.. им с Утой. — Лют понизил голос, прежде чем назвать имя Уты. — И ее привез в Хольмгард, Правену то есть, вместе с Алданом. И как мы там поняли, что князь убийц искать не будет, то Бер сказал: он сам за это возьмется.

— А что он за человек?

Другого внука Сванхейд, Берислава, сына Тородда, Мистина никогда не видел, но Люту тот понравился. За недолгое знакомство он убедился, что Бер — человек решительный, умный, надежный, больше всего на свете заботящийся о чести рода. Ранее у него не было случаев испытать себя в настоящем бою, но недостаток его опыта возмещал Алдан: тот еще на достопамятной страве по Ингвару в земле Деревской доказал, что на него можно положиться даже в самом трудном и опасном деле.

— Бер собирался двигаться на восток, в сторону мери, — продолжал Лют. — Игморова братия могла уйти только туда, по Мсте. Их осталось пятеро в живых. Сам Игмор, Добровой, Красен, Градимир и Девята. Бер надеялся где-то на Мсте их догнать. А нет — идти на Мерянскую реку. У него там родичи, через Сванхейд.

— Да, сыновья Эйрика Берсерка, — кивнул Мистина. — Я его знал.

— Если они там.. и если у Бера удачи хватит..

Все помолчали. Лют расстался с Бером месяц назад, и с тех пор никаких вестей не приходило, да и едва ли могло прийти. Может быть, Бер и Алдан уже настигли убийц и отомстили. А может, сами полегли в этой борьбе: противники у них очень опасные, и им нечего терять, кроме жизни.

— Что мы будем делать? — первым не выдержал Велерад.

Средний сын Мистины сидел бледный, сокрушенный и горем от потери брата, и самой огромностью беды, пав-

шей на Свенельдов род. В девятнадцать лет он хорошо понимал главное: смерть брата нельзя оставить без отмщения, а виновник — не просто князь русский, но тоже родич, троюродный брат. Окажись кровь Улеба на руках кого-то чужого — было бы ясно, чего требует честь.

— Так Святослав отказался мстить? — спросил Мистина у Люта.

По его замкнутому лицу было видно — он не отошел от потрясения, но его ум работает отдельно от души.

— По сути дела, отказался. Говорил, мол, неизвестно, как все было да кто на кого первым напал... Дескать, надобно Игмора с братией сыскать, дело прояснить, тогда и будет ясно, какая на ком вина. И Сванхейд, и Правена, и даже Малфа от него добивались клятвы, что будет мстить, но он прямого ответа так и не дал. Жаль ему тех ублюдков, видно же.

— Больше, чем брата своего, жаль! — с возмущением воскликнула Святана.

— Матушка, бедная наша... — со слезами вздохнула Держана.

— Не реви! — сердито бросила ей Соколина. — Поздно уже плакать, вон сколько времени прошло.

Женщины понимали: стоит одной из них заплакать, и будет уже не остановиться, но миновал тот срок, когда позволительно оплакивать покойного, да и Мистина вовсе не желает, чтобы его дом наполнился женскими воплями. Пробирал страх перед его возможными решениями; даже Соколина, наделенная неженской отвагой, сидела с вытянутым лицом. Отношения Святослава и Мистины уже не раз приближались к опасной черте открытого столкновения. А теперь, когда воля Святослава убила сына Мистины, такое столкновение стало неизбежным. Но если оно разгорится, это будет крушение всей русской властной верхушки. Такой пожар, что в огне и крови сгинет вся держава. Жутко было об этом думать, но все, от самого Мистины до двенадцатилетних Свена и Веленга, Лютова первенца, понимали: отступать им некуда, оста-

вить это убийство без возмездия невозможно, иначе бесчестье погубит все будущее рода.

Но прежде чем что-то здесь решать, нужно было учесть еще одно обстоятельство. И Мистина о нем уже подумал: именно оно определяло большую часть его решений без малого тридцать прошедших лет.

Княгиня Эльга. Как она оценит случившееся. Святослав ведь не просто князь — он ее единственный сын и соправитель. И если она примет его оправдания... Мистина и сам пока не понял, в какой мере это свяжет ему руки. Пойти против Эльги для него было так же невозможно, как против самого себя. Но, отказавшись от мести за Улеба, он перестал бы быть собой, утратил бы самое главное, то, что делало его таким, какой он есть. Свою честь и удачу.

Редко ему приходилось испытывать растерянность, не понимая, как должно поступить. Не раз величайшие витязи всех времен, с самого Ахиллеуса начиная, оказывались перед выбором, где все возможности вели к гибели, только разными путями. И вот сейчас, мысленно пробегая одну дорожку в возможное будущее за другой, Мистина в конце каждой из них видел гибель своей чести, удачи и потерю всего, чего добился.

Но обратиться за помощью не к кому — в этом беда сильных людей. Сильнее себя Мистина с молодости считал только своего отца, Свенельда по прозвищу Ворон Хольмгарда, но того уже почти пятнадцать лет не было в живых. Выше — только боги. Но те великие витязи оставили в наследство опыт: если уж все пути ведут к гибели, выбирать надо тот, что сулит наибольшую славу.

— А что же скажет Эльга? — Величана тоже подумала о княгине. — Ты расскажешь ей?

Мистина подумал, потом сдавленно хмыкнул: засмеяться он пока не мог.

— Нет уж. Пусть он сам расскажет своей матери, как его люди убили его брата и ее сестрича. Я ему помогать не намерен.

Глава 2

Погрузившись в свою беду, Мстислав Свенельдич узнал только половину новостей. О второй половине Лют и сам забыл: по сравнению с гибелью Улеба прочие перемены в далеком Хольмгарде ему казались мелочью. Но имелся кое-кто, для кого именно те перемены оказались куда важнее. И как ни тяжело было Свенельдову роду, кое-кому в этот же вечер пришлось еще тяжелее. И этот кто-то — тот, о ком с яростью и гневом думали на Свенельдовом дворе: сам князь Святослав.

Назавтра Торлейва разбудила Жалёна, ключница: она вставала в доме раньше всех, поднимала служанок, надзирала за дойкой и выгоном коров и коз в стадо. Будить молодого господина ей не полагалось, но, в полусне услышав ее встревоженный зовущий голос, Торлейв сразу сел на своей лавке. Не столько сонный рассудок, сколько тревожное чувство ему напомнило: вчера вернулась из Хольмгарда дружина Святослава, привезли такие новости, что надо бы хуже, да некуда... Сам пришел домой от Мистины, вывернув рубаху наизнанку: ведь Улеб и Торлейву приходился троюродным братом. Ранняя побудка сразу навела на мысль: еще какая-то беда...

— Там пришли к тебе! — прошептала Жалёна, глядя на Торлейва широко раскрытыми глазами. — Выйди поскорее!

— Ко мне? От Свенельдича? — Торлейв, моргая, убрал с лица волосы.

— Да, да... навряде того, — путано ответила ключница. — Ступай поживее, не мешкай!

Торлейв скривился: он не любил путаницы и суеты, но откинул порывало и потянулся за портами.

Выйдя на длинное крыльцо вдоль передней стены избы, он внезапно понял, почему Жалёна так перепугалась. Вместо кого-то из отроков Мистины, чего отчасти ожидал, Торлейв увидел на лавке под навесом двух женщин. На скрип двери они встали, повернулись... и Торлейв едва подавил восклицание.

— Ёт... Пр...

Высокая молодая женщина порывисто шагнула ему навстречу и подняла палец, призывая к тишине. Торлейв дико огляделся, будто ища укрытия. Потом осмотрел ее, не веря глазам. В обычной рубахе и некрашеной дерге, замотанная в убрус, отчасти прикрывавший лицо, перед ним стояла Прияслава Свирьковна, молодая княгиня Святославова. Торлейв никогда не видел ее в подобной одежде, и теперь у него рябило в глазах от неожиданности. От потрясения он даже не сообразил, что сам стоит перед ней полуголый: не на такую встречу он рассчитывал.

— Поговорить надо! — вполголоса, но с напором ответила Прияна на его изумленный взгляд. — Чтобы никто не слышал.

Торлейв еще раз огляделся. Для начала надо было укрыть Прияну от лишних глаз, раз уж она и правда здесь, а уж потом спрашивать, что случилось. В хозяйской избе еще спят мать и Орлец, сводный брат, в девичьей полно бабняка и детей, в поварне уже гремят котлами и сковородами...

— Пойдем в хлебню, что ли. — Уже не думая о вежестве, Торлейв схватил Прияславу за руку и потянул за собой.

Двор у Фастрид с сыном был просторный и богатый: хозяйская изба, две избы для челяди, хлев, поварня, клеть, погреб. Торлейв привел нежданную гостью в хлебню — клеть, где стояли квашни, громоздились дежи, сита и корыта, стоял широкий стол и чуть ли не половину всего места занимала большая хлебная печь. Но хлеб Фастрид и Жилёна выпекали позавчера, следующая выпечка будет дня через три, и сейчас в хлебне было пусто, стол и деревянная утварь начисто вымыты.

Прияслава вошла, озираясь: сама хозяйка большого дома, она невольно любопытствовала, как все устроено у другой хозяйки, более опытной. Без просьбы Торлейв плотно закрыл за ними дверь и провел пальцами по волосам, убирая со лба и стараясь окончательно проснуться.

Знал бы, кто пришел, — хоть бы обулся, умылся и волосы расчесал. Хоть бы рубаху надел. Но нет — не стоило ради такой мелочи держать Прияну на крыльце, на виду у всего двора. А сама она, судя по лицу, его растрепанных волос и исподних портков не замечает.

— Что стряслось?

— Ты знал! — Прияслава повернулась к нему.

Она сказала это с таким вызовом, будто обвиняла, и Торлейв чуть не рассмеялся. К нему на двор явилась молодая княгиня, вытащила из постели, чтобы винить неведомо в чем!

— Что я знал? — подавляя улыбку, со смиренным и покорным видом уточнил Торлейв.

Сквозь невольное веселье в душе отчетливо просвечивала тревога: как будто вынужден вести разговор, краем глаза наблюдая, как по полу от печи распространяется пламя. Еще чего не хватало, чтобы кто-то увидел Прияславу здесь, с ним наедине. Головы не сносить, но не он же ее к себе зазвал. Прияслава была разумной женщиной, но сейчас в глазах ее горел такой огонь, что было ясно: на все опасности ей начхать, как для себя, так и для других.

— Про Малушу!

Торлейв мигом перестал улыбаться — это имя стерло веселье, будто мокрая тряпка пыль.

— Ты знал.. — повторила Прияслава, верно поняв его выражение. — И ты мне ни слова не сказал! А мог бы сказать — еще тогда!

Торлейв понял, о каком «тогда» она говорит: когда три зимы назад он приехал в Свинчск, где Прияслава сидела в добровольном изгнании, чтобы увезти ее обратно в Киев.

— Если бы ты тогда сказал мне, что у него здесь *еще* и Малуша, я бы не вернулась! — так же вполголоса, но с яростным, обвиняющим напором продолжала Прияслава. — Я бы лучше умерла там, дома, но не стала бы возвращаться всем на посмешище! Как я радовалась, овца глупая, что Горяну избыли! Думала, мой муж теперь опять